

«Лаврентьевская летопись», 1377 год, лист 1 оборот

„Лаврентьевская летопись“

1377 год.

[Нижний Новгород (?)].

Пергамен, 1° (25,0 × 21,0). Устав и полуустав, 173 л. (на л. 41–173 в 2 ст.). Переплет – доски в тисненой коже, XVII в.

На л. 1 об. заставка тератологического стиля в красках. Инициалы (только на л. 1–23) и заголовки киноварные.

На л. 1 скорописью XVI–XVII вв.: „...лов[е?]ще[н]ск...“; здесь же скорописью начала XVII в.: „Книга Рожес(т)-венсково монастыря | володимерскаго“ и почерком XVIII в.: „Летописецъ“. Здесь же двустрочная вырезанная на пергамене надпись полууставом (не читается). Внизу листа видны отдельные буквы записи XVII (?) в., проявленной химическим реактивом (не читается). На л. 2 внизу почерком XVIII в.: „Летописецъ“. На л. 10 сверху почерком XVIII в.: „зде много листовъ нетъ“. На л. 164 внизу почерком XVIII в.: „...† следующие листы по сему листу переложены“. На л. 172 об. – 173 послесловие писца киноварью: „Радуется купецъ прикупить створивъ, и кормьчии | въ отише приставъ, и странникъ въ о(те)чество [с]вое пришед, та|кожъ радуется и книжныи писа|тель дошед конца книгамъ, та|кожъ | азъ худыи, недостоинныи и многогрешныи рабъ б(о)жии | Лаврентеи мних. Началь е|смь писати книги | сия г(ла)големыи Летописецъ | м(е)с(я)ца генвар(я) въ 14 на память(ь) | с(вя)т(ы)хъ о(те)цъ нашихъ аввад, в Синаи | и в Раифе избьеныхъ, князю | великому Дмитрию Костянти|новичю, а по бл(а)г(о)с(ло)в(е)нью с(вя)щ(е)нна|го еп(и)с(ко)па Дионисья. И конча|ль есмь м(е)с(я)ца марта въ 20 | на память(ь) с(вя)т(ы)хъ о(те)цъ нашихъ, иже | в монастыри с(вя)таго Савы избьеныхъ от срацинь, в лет(о) 68|85 [1377] при бл(а)говерномъ и х(ри)с(т)олюби|вомъ кн(я)зи великомъ Дмитрии Ко|стянтиновичи и при еп(и)с(ко)пе | нашемъ х(ри)с(т)олюбивомъ с(вя)щенномъ | Дно|ни|сье суждальскомъ и новго|родьскомъ и городьскомъ. И ныне, | г(о)с(по)да о(т)ци и брат(и)я, оже ся где | буду описаль или переписа|ль или не дописа|ль, чтите | исправливая б(о)га деля, а не | клените, занеже книги ве|тшаны, а оумъ молодъ, не до|шел. Слышите Павла ап(о)с(то)ла | гл(а)голю|ша: не клените, но бл(а)г(о)с(ло)ви|те. А со всеми нами хр(е)с(т)ьяны | Х(рис)то|сь б(о)гъ наш, с(ы)нъ б(о)га живаго, ему | же слава, и держава, и ч(е)сть, и | покланянь со о(т)ц(е)мъ и с | с(вя)т(ы)мъ д(у)х(о)мъ и нынѣ и прис(но) въ | веки, аминь“. На л. 173 скорописью XVII в.: „а сю книгу | прознаменовал Ол|е|ксеи Федоровъ с(ы)нъ Зубатого, писал | и сам над нею сидел“. На л. 173 и 173 об. пробы пера и библиотечные пометы.

Рукопись в конце XVIII в. принадлежала графу А. И. Мусину-Пушкину. Существуют две версии рассказа о том, как Лаврентьевская летопись поступила в коллекцию А. И. Мусина-Пушкина. Обе сообщены К. Ф. Калайдовичем. По одной версии, А. И. Мусин-Пушкин купил рукопись вместе с ворохом других древних рукописей и книг, оставшихся после секретаря Петра I П. Н. Крешина (*Калайдович К. Ф. Записки для биографии е. с. графа Алексея Ивановича Мусина-Пушкина. – „Вестник Европы“, ч. LXXII. М., 1813, ноябрь, с. 78–79.* В. С. Сопиков, через которого были проданы рукописи П. Н. Крешина, опроверг эту версию (Письма В. С. Сопикова к К. Ф. Калайдовичу. Сообщил И. Шляпкин. Спб., 1883, с. 10, из письма от 5 дек. 1813 г.). Поэтому К. Ф. Калайдович, публикуя одиннадцать лет спустя биографию А. И. Мусина-Пушкина, рассказал историю приобретения Лаврентьевской летописи иначе. Согласно этой второй версии, рукопись была доставлена графу, „как сказывают“, из владимирского Рождественского монастыря (*Калайдович К. Биографические сведения о жизни, ученых трудах и собрании российских древностей графа Алексея Ивановича Мусина-Пушкина. – „Записки и труды ОИДР“, ч. II. М., 1824, отд. II, с. 13.*) Последний рассказ более правдоподобен, так как А. И. Мусин-Пушкин занимал должность обер-прокурора св. Синода и широко пользовался служебным положением для пополнения личного собрания рукописями и другими древностями из монастырских библиотек, а Лаврентьевская летопись, судя по записи XVII в., хранилась именно во владимирском Рождественском монастыре. Но по архивным документам, которые найдены Г. Н. Моисеевой и опубликованы Г. М. Прохоровым (*Прохоров Г. М. Кодикологический анализ Лаврентьевской летописи, с. 84, примеч. 26*), рукопись после Владимира находилась в библиотеке Софийского собора в Новгороде и поступила в собрание А. И. Мусина-Пушкина из Новгорода в 1791 г. В 1811 г. А. И. Мусин-Пушкин преподнес Лаврентьевскую летопись Александру I, и с тех пор она хранится в Публичной библиотеке.

Из книги Г. И. Вздорнова «Искусство книги в Древней Руси. Рукописная книга Северо-Восточной Руси XII – начала XV веков». Москва, Искусство, 1980.

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ
РУССКИХ ЛЕТОПИСЕЙ

ТОМ ПЕРВЫЙ

ЛАВРЕНТЬЕВСКАЯ
ЛЕТОПИСЬ

«ЯЗЫКИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ»

Москва 1997

ББК 84(2Рос=Рус)1-49
Л 13

Л 13 Лаврентьевская летопись. (Полное собрание русских летописей. Том первый.) — М.: «Языки русской культуры», 1997. — 496 с.
ISBN 5-7859-0026-2

Данный том представляет собой репринтное воспроизведение издания Лаврентьевской летописи, осуществленного в 1926 — 1928 годах под редакцией Е. Ф. Карского, которое дополнено новым предисловием Б. М. Клосса и книгой «Лексический состав „Повести временных лет“» О. В. Творогова (Киев, 1984 г.).

ББК 84(2Рос=Рус)1-49

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

ISBN 5-7859-0026-2

© Б. М. Клосс. Предисловие, 1997

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие издателя	Е
Предисловие к изданию 1997 г.	G—N
Предисловие к изданию 1926—1928 гг.	III—VIII
ПОВЕСТЬ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ ПО ЛАВРЕНТЬЕВСКОМУ СПИСКУ	1—286 (л. 1 об.—л. 96)
Фототипическое воспроизведение листа 96 (столбец 1)	286
СУЗДАЛЬСКАЯ ЛЕТОПИСЬ ПО ЛАВРЕНТЬЕВСКОМУ СПИСКУ	289—488 (л. 96—л. 173)
Опечатки и поправки	488
Приложение. ПРОДОЛЖЕНИЕ СУЗДАЛЬСКОЙ ЛЕТОПИСИ ПО АКАДЕМИЧЕСКОМУ СПИСКУ	489 (л. 217—л. 261)
Указатели	
Личных имен	541—556
Географический	557—566
Предметов (и более редких слов)	567—577
Обозначение чисел	577
Опечатки и поправки	578
О. В. Творогов. ЛЕКСИЧЕСКИЙ СОСТАВ «ПОВЕСТИ ВРЕМЕННЫХ ЛЕТ»	
Введение	583
Словоуказатели к «Повести временных лет» (задачи и принципы построения)	591
Список литературы	596
Список сокращений	601
Словоуказатель к «Повести временных лет» по Лаврентьевскому списку	603
Словоуказатель к «Повести временных лет» по Радзивилловскому списку (к статьям 898—921 гг.)	711
Словоуказатель к «Повести временных лет» по Ипатьевскому списку (к статьям 1110—1117 гг.)	719
Частотный словник «Повести временных лет» по Лаврентьевскому списку ...	730

ПРЕДИСЛОВИЕ ИЗДАТЕЛЯ

Данным томом мы начинаем новое репринтное издание основного корпуса (тома 1 – 30) памятников, вошедших в серию «Полное собрание русских летописей» (ПСРЛ) и издававшихся в 1850-х – 1920-х годах. Среди отечественных письменных памятников русские летописи несомненно являются наиболее ценными источниками исторического, филологического и литературного содержания. Сейчас, когда обновляется книжный рынок и появляется много исследований, ранее неизвестных или недоступных широкому читателю, ощущается насущная потребность в издании и переиздании классических первоисточников. Они должны быть в каждой университетской библиотеке, в каждом лицее. В то же время репринтное переиздание ПСРЛ, вышедшее а 60-х годах, давно стало библиографической редкостью, не говоря уже об оригинальных изданиях.

Осуществляемое нами издание содержит ряд существенных дополнений и изменений по сравнению с репринтом 60-х годов. Во-первых, все тома будут снабжены новыми предисловиями, отражающими современный уровень знаний о летописях и содержащими библиографию по их исследованию. Во-вторых, для многих томов, не имеющих справочного аппарата, предполагается составить указатели. В-третьих, наряду с публикацией серии ПСРЛ появилось несколько отдельных изданий летописей (например, Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов и Псковские летописи, подготовленные и изданные А. Н. Насоновым), превосходящих по научным достоинствам тома серийного издания. Представляется целесообразным вместо соответствующих томов серии переиздать эти публикации.

К сожалению, среди историков мы не встретили широкой поддержки данного издания. Некоторые из них даже выступили против него, считая целесообразным готовить прежде всего новые научные издания. Конечно, такие издания были бы весьма желательны. Однако, учитывая нынешнее положение научных институтов, состояние библиотек и музеев, вряд ли следует ожидать здесь быстрого прогресса. Поэтому сейчас главная задача нам видится в том, чтобы сделать рукописные памятники доступными широкому кругу исследователей. И тогда научные издания не заставят себя ждать.

В заключение хотелось бы выразить благодарность всем нашим коллегам, советами и помощью которых мы пользовались при подготовке данного издания. Особая роль здесь принадлежит Б. А. Успенскому, без деятельной поддержки которого этот проект вряд ли бы состоялся.

А. Д. Кошелев, 29 сентября 1997 года

ПРЕДИСЛОВИЕ К ИЗДАНИЮ 1997 г.

Лаврентьевская летопись является ценнейшим памятником древнерусского летописания и культуры. Последним и наиболее качественным изданием ее текста является публикация 1926–1928 гг., выполненная под редакцией акад. Е. Ф. Карского. Труд этот давно уже стал библиографической редкостью, и даже фототипическое воспроизведение его, предпринятое в 1962 г. под наблюдением акад. М. Н. Тихомирова (тираж 1600 экз.), не могло удовлетворить потребностей историков, лингвистов, работников культуры и просто читателей, интересующихся русской историей. Переиздание I тома Полного собрания русских летописей, осуществленное издательством «Языки русской культуры», призвано восполнить указанный пробел.

Для настоящего издания было написано новое Предисловие, в котором указаны современные шифры использованных рукописей, уточнено их описание и приведена библиография основных работ, касающихся изучения рассматриваемых летописных памятников. Предисловие составлено ведущим научным сотрудником Института российской истории РАН, доктором исторических наук Б. М. Клоссом.

В основу издания положен текст **Лаврентьевской летописи**. Рукопись хранится в Российской национальной библиотеке под шифром Ф. п. IV. 2. Пергаменный кодекс, в малую «десть», на 173 листах, писан в основном двумя писцами: первый писец переписал лл. 1 об. – 40 об. (первые 8 строк), второй – лл. 40 об. (начиная с 9-й строки) – 173 об. Исключением являются только лл. 157, 161 и 167: они вставные, нарушают естественный порядок разлиновки и имеют в конце пробелы, что свидетельствует о неумении писца пропорционально распределить текст на площади листа. Текст на лл. 157 – 157 об., 167 – 167 об. переписал третий писец (впрочем, его почерк очень похож на почерк первого писца), а на лл. 161 – 161 об. – второй писец, но его продолжил (с конца 14-й строки оборота листа) третий писец. Первые 40 листов рукописи писаны в один столбец, последующие – в два столбца.

Основной (второй) писец назвал себя в приписке на лл. 172 об. – 173: это был монах Лаврентий, переписавший летопись в 1377 г. для суздальско-нижегородского великого князя Дмитрия Константиновича, по благословию Суздальского епископа Дионисия. По имени писца летопись и получила в научной литературе название Лаврентьевской.

В настоящее время в рукописи Лаврентьевской летописи обнаруживаются пропуски: между лл. 9 и 10 отсутствуют 6 листов с текстом 6406–6429 гг., после л. 169 – 5 листов с текстом 6771–6791 гг., после л. 170 – 1 лист со статьями 6796–6802 гг. О содержании утраченных листов можно судить по сходным с Лаврентьевской Радзивилловской и Троицкой летописям.

Изложение в Лаврентьевской летописи доведено до 6813 (1304) г. (в ультраранней датировке). Заключительную, важнейшую для характеристики свода часть верно оценил М. Д. Приселков: преобладание в ней тверских известий и явно протвер-

ская трактовка событий конца XIII — начала XIV в. свидетельствуют о том, что это был великокняжеский свод кн. Михаила Ярославича (тверского князя, занявшего великокняжеский владимирский стол в 1305 г.). Монах Лаврентий, следовательно, скопировал в 1377 г. «ветшаную» рукопись великокняжеского свода начала XIV в.

В литературе имеется и другое суждение — не о механическом, а о творческом характере работы Лаврентия и его помощников над летописью в 1377 г. Некоторые исследователи (В. А. Комарович, Г. М. Прохоров) предполагают, в частности, переработку в составе Лаврентьевской летописи рассказа о Батыевом нашествии на Русь. Однако, обращение к Троицкой летописи, независимо от Лаврентьевской передающей их общий источник, не подтверждает этого мнения: Троицкая в рассказе о событиях 1237—1239 гг. совпадает с Лаврентьевской. Более того, все специфические особенности рассказа о Батыевом нашествии в составе Лаврентьевской летописи (идейная направленность, литературные приемы составителя) органично вписываются в историко-культурный фон XIII в. и не могут быть выведены за пределы хронологических рамок этого столетия. Внимательное изучение особенностей текста повести о Батыевом нашествии на Русь в составе Лаврентьевской летописи приводит к выводу о создании ее в начале 80-х гг. XIII в.

О судьбе самой рукописи Лаврентьевской летописи известно немного. На загрязненном л. 1 можно разобрать запись «Книга Рожесвенсково монастыря Володимерскаго», которая не очень уверенно датируется концом XVI — началом XVII в. Но в XVIII в. рукопись оказалась в собрании Новгородского Софийского собора, где с нее в 1765 г. в Новгородской семинарии была сделана копия (хранится в БАН под шифром 34.2.32). В 1791 г. из Новгорода в числе прочих рукописей Лаврентьевская летопись была отправлена в Москву и попала к обер-прокурору Синода гр. А. И. Мусину-Пушкину. В 1793 г. А. И. Мусин-Пушкин издал по этой рукописи Поучение Владимира Мономаха, в начале же XIX столетия граф преподнес манускрипт в дар императору Александру I, который и передал его в Публичную библиотеку. Это произошло во всяком случае до 1806 г., так как 25 сентября 1806 г. директор библиотеки А. Н. Оленин подарил копию с Лаврентьевской летописи графу С. С. Уварову (копия хранится в БАН под шифром 32.11.10: подносная запись на л. 1 выполнена рукой А. Н. Оленина, сама рукопись переписана археографом А. И. Ермолаевым — при этом следует обратить внимание, что использована бумага с датами 1801 и 1802 гг.).

Запись о принадлежности рукописи Лаврентьевской летописи владимирскому Рождественскому монастырю послужила основанием для предположения, что монах Лаврентий писал во Владимире и что труд его остался во владении Рождественского монастыря¹. Между тем обнаруживаются явные следы нахождения Лаврентьевской летописи в XVII в. в нижегородском Печерском монастыре, где она была непосредственно использована при составлении особого Печерского летописца. Печерский летописец известен нам в двух списках: 1) РГБ, ф. 37 (собр. Т. Ф. Большакова), № 97, 70—80-е гг. XVII в.; 2) ГИМ, собр. Московского Успенского собора, № 92, кон. XVII в. Если учесть, что Дионисий до своего поставления в епископы был архимандритом именно Печер-

ского монастыря и что в этом монастыре летопись Лаврентия сохранялась вплоть до XVII в., можно с полным основанием предположить, что великокняжеский свод был переписан в 1377 г. в нижегородском Печерском монастыре местными монахами.

При издании Лаврентьевской летописи в разночтениях использована Радзивилловская летопись.

Радзивилловская летопись хранится в Библиотеке Российской Академии наук в Санкт-Петербурге под шифром 34.5.30. Рукопись в 1°, на 251 + III листах. Летопись расположена на лл. 1–245, водяные знаки этой части рукописи – три вида головы быка – воспроизведены в альбоме Н. П. Лихачева под №№ 3893–3903 (но воспроизведение не совсем точное). На лл. 246–250 об. другим почерком и на другой бумаге переписаны дополнительные статьи («Сказание Данила игумена смиренного, иже походи ногама своима и очима виде», «Слово святого Дорофея, епископа Турьскаго, о святых 12 апостол», «Слово святого Епифания, сказание о пророцех и пророчицах»), филигранны – два вида головы быка под крестом – воспроизведены в альбоме Н. П. Лихачева под №№ 3904–3906. «Судя по бумаге, время написания Радзивилловского списка должно быть отнесено с наибольшей вероятностью к последнему десятилетию XV века», – к такому выводу пришел Н. П. Лихачев². Считаем, что датировку можно существенно уточнить. По наблюдениям Н. П. Лихачева, знак № 3864 из документов 1486 г. «совершенно подобен по типу знакам летописи». Если говорить о знаках №№ 3896–3898, то они буквально совпадают со знаками Книги 16 пророков (РГБ, ф. 304/1, № 90) – по нашим уточненным данным (в альбоме Н. П. Лихачева знаки Книги пророков воспроизведены под №№ 1218–1220 с искажениями. Книга пророков писалась Стефаном Тверитиным с 1 октября 1488 г. по 9 февраля 1489 г. Таким образом, палеографические данные позволяют сузить интервал датировки до 1486–1488 гг. На полях летописи имеются многочисленные приписки, которым, по наблюдениям А. В. Чернецова, свойственны те же языковые особенности, что и основному тексту, и которые могут быть отнесены к 1487 г.³ В совокупности приведенные результаты позволяют датировать Радзивилловскую летопись временем около 1487 г. Дополнительные же статьи на лл. 246–250 об. (которые, кстати, отличаются теми же языковыми чертами, что и текст летописи) можно отнести к 90-м гг. XV в.⁴

Радзивилловская летопись – лицевая (украшена более чем 600 миниатюрами), и этим определяется ее выдающееся значение в истории русской культуры. В настоящее время наиболее обоснованной представляется версия о западнорусском происхождении Радзивилловской летописи, в зоне контакта белорусского и великорусского наречий – скорее всего, в Смоленске (А. А. Шахматов, В. М. Ганцов)⁵. К тому же мнению склоняет анализ стилистических особенностей миниатюр (испытывавших значительное западноевропейское влияние) и их содержания.

Характер приписок на полях летописи показывает, что рукопись была создана в городской среде, в которой пользовались одобрением вечевые порядки старинных русских городов, их свободы и привилегии. Более поздние записи конца XVI – начала XVII в. на старобелорусском языке свидетельствуют о том, что рукопись в то время

принадлежала представителям мелкой шляхты, жителям Гродненского повета. В конце рукописи есть запись, что летопись была подарена Станиславом Зеновичем князю Янушу Радзивиллу. Следовательно, около середины XVII в. летопись от мелких держателей перешла во владение высшей прослойки белорусской знати⁶. Через посредство князя Богуслава Радзивилла, имевшего тесные родственные связи с прусскими магнатами, летопись в 1671 г. поступила в Кенигсбергскую библиотеку. Здесь с ней в 1715 г. ознакомился Петр I и приказал снять с нее копию (ныне: БАН, 31.7.22). В 1761 г., когда русские войска заняли Кенигсберг, летопись была взята из Кенигсбергской библиотеки и передана в Библиотеку Академии наук в Петербурге.

Радзивилловская летопись доводит изложение до 6714 г., причем из-за того, что листы были перепутаны в оригинале, события с конца 6711 по 6714 г. оказались изложенными ранее известий 6711–6713 гг. По исследованию Н. Г. Бережкова, статьи 6679–6714 гг. в Радзивилловской летописи (как и в Лаврентьевской) обозначены по ультрамартовскому стилю⁷, следовательно, 6714 г. переводится как 1205 г.

Сравнение Лаврентьевской летописи с Радзивилловской и Летописцем Переяславля Суздальского показывает, что сходный текст этих летописей продолжается как раз до 1205 г. (6714 г. в ультрамартовской датировке). Вслед за окончанием общего источника в Лаврентьевской повторена дата 6714 г., но уже в мартовском обозначении, и далее следует текст, существенно отличающийся от Летописца Переяславля Суздальского; Радзивилловская же вообще обрывается на статье 1205 г. Можно поэтому полагать, что с 1205 г. связан определенный этап в истории владимирского летописания. Вместе с тем из наблюдений А. А. Шахматова над статьями за 70-е гг. XII в. следует, что в основе Лаврентьевской лежал более ранний вариант свода 1205 г. (в Радзивилловской и Летописце Переяславля Суздальского внесены тенденциозные добавления имени Всеволода Большое Гнездо к известиям о его брате Михалке).

В настоящем издании Радзивилловская летопись привлечена для подведения вариантов к тексту Лаврентьевской. Однако существуют и отдельные издания Радзивилловской летописи как в серии Полного собрания русских летописей (Л., 1989, т. 38), так и в факсимильном воспроизведении (СПб.; М., 1994).

В части до 6714 г. при подведении вариантов привлекается также Московско-Академическая летопись, текст которой начиная с 6713 г. (повторного) публикуется отдельно.

Московско-Академическая летопись хранится в Российской государственной библиотеке под шифром: ф. 173/1 (Фундаментальное собр. библиотеки Московской Духовной академии), № 236. Рукопись в 4°, на 261 листе, писана полууставом в конце XV в.: основной филигранью является Тиара (Брике, № 4895 – 1498 г.), в небольшом количестве (в конце рукописи) использована бумага с филигранью Голова быка под крестом, обвитым змеей (Пиккар, XVI, № 197 – 1498–1503 гг.). По крайней мере с XVII в. кодекс принадлежал Троице-Сергиеву монастырю (он зафиксирован в описи монастырской библиотеки 1641 г.)⁸, хотя запись на его первом и последнем листах «Живоначальные Троицы Сергиева монастыря», похоже, выполнена во второй половине XVI в.

Московско-Академическая летопись, доведенная до 6927 г., представляет, как выяснил А. А. Шахматов⁹, компиляцию из трех источников: текст от начала до 6714 г. восходит к общему с Радзивилловской летописью протографу, следующие затем известия 6713–6746 гг. (кончая сообщением о взятии Козельска) переписаны из Софийской I летописи старшей редакции, статьи 6746 (после сообщения о взятии Козельска) – 6927 гг. представляют фрагмент сокращенного ростовского летописного свода.

Изучение рукописи Московско-Академической летописи не оставляет сомнений в том, что она представляет собой *оригинал* летописного свода, поскольку ряд палеографических примет в точности соответствует смене его источников. Так, на л. 216 об. оканчивается общий с Радзивилловской летописью текст (на известии «Тои же зимы бишася Олговичи с Литвою»), после чего до конца листа оставлены недописанными три с половиной строки. С л. 217 передается текст Софийской I летописи (со слов «Присла великий князь Всеволод в Новъгород и рече тако: в земли нашей ходит рать»), его пишет тот же писец, что и ранее, но явно в другой манере: почерк стал крупнее, иначе выглядят варианты некоторых букв. Летопись в общем-то написана одним писцом, но в единственном случае, на лл. 242 об. – 246, т. е. в том месте, где кончаются заимствования из Софийской I летописи, текст переписан другой рукой (вплоть до последнего, общего с Софийской I известия о взятии Козельска под 6746 г.). Начиная же с сообщения о вокняжении Ярослава Всеволодовича (т. е. при переходе к ростовскому источнику) текст вновь переписывается основным писцом.

Этот последний летописный фрагмент (6746–6927 гг.) А. А. Шахматовым правильно определен как извлечение из Ростовского владычного свода. Необходимо сделать только несколько уточнений. Первое касается хронологии заключительной части (6904–6927 гг.): здесь, очевидно, используется сентябрьский стиль исчисления. Этот вывод, во-первых, подтверждается указаниями на индикты (под 6904, 6913, 6915, 6916, 6918, 6919, 6920 гг.), а во-вторых, следует из структуры некоторых статей: так, под 6915 г. перечисляются известия о смерти митрополита Киприана (сентябрь 1406 г.), о смерти в апреле ростовского кн. Константина Андреевича, о кончине великой княгини Евдокии (июнь 1407 г.); под 6916 г. описаны столкновение Витовта с великим князем Василием Дмитриевичем (сентябрь 1407 г.) и пожар в Ростове в июне 1408 г.; под 6917 г. приведены последовательно известия о новом русско-литовском столкновении (в сентябре 1408 г.), о нашествии Едигея в декабре 1408 г. и смерти ростовского кн. Андрея Федоровича «тое же зимы» (все датировки получены при сравнении с Троицкой летописью). Финальное известие о преставлении княгини Анастасии, жены Константина Дмитриевича, в октябре 6927 г. должно, следовательно, датироваться 1418 г.

Другое замечание касается содержания заключительной части Московско-Академической летописи. Ростовские известия завершаются в ней под 1415 г. сообщением о смерти ростовского кн. Константина Владимировича, после чего следуют чисто московские по своему происхождению статьи. Если учесть, что летопись не фиксирует под 1416 г. смерть ростовского епископа Григория, которому в предшествующих статьях уделялось повышенное внимание и который неизменно титуловался «боголюбивым

епископом Ростовским и Ярославским», то вывод очевиден: ростовский источник Московско-Академической летописи доходил лишь до 1415 г. (под 1418 г. в ней также не отмечено поставление очередного епископа Дионисия).

Анализ разночтений показывает, что в части до 1205 г. списки Радзивилловский и Московско-Академический восходят к общему протографу, который в некоторых местах отошел от первоосновы и имеет признаки позднего происхождения XIV–XV вв. (в статье 6662 г. в обеих летописях «половцы» заменены на «татарове»). Вместе с тем можно указать на существование более полного и исправного списка свода 1205 г., отраженного в составе Львовской летописи и так называемого Тверского сборника.

В части до 907 г. в разночтениях к тексту Лаврентьевской летописи использована **Троицкая летопись**, варианты которой заимствуются из незавершенного издания Лаврентьевской летописи 1804–1811 гг. Троицкая летопись сгорела при пожаре Москвы в 1812 г., но еще до ее гибели летописью пользовался Н. М. Карамзин и сделал многочисленные выписки, вошедшие в примечания к «Истории государства Российского». По свидетельству историографа, Троицкая летопись (принадлежавшая библиотеке Троице-Сергиевой лавры) была писана на пергамене и доводила изложение до 1408 г., кончаясь описанием Едигеева нашествия¹⁰. Сохранилось описание рукописи, выполненное в 1768 г.: «Летописец российской, в малой лист, писан на пергамене самым древним уставным письмом. Начинается от Рурика и продолжается до княжения великого князя Василия Дмитриевича, на 371 листе»¹¹.

Возможность реконструкции Троицкой летописи обосновал А. А. Шахматов, обнаруживший, что Симеоновская летопись с самого начала (но начинается она только с 1177 г.) до 1390 г. сходна с Троицкой (судя по цитатам Н. М. Карамзина)¹². Капитальный труд по реконструкции Троицкой летописи предпринял М. Д. Приселков¹³, но в свете последних открытий новых древнерусских летописных памятников реконструкция Троицкой летописи должна быть пересмотрена и уточнена.

Троицкая летопись по характеру своих известий, очевидно, составлена при Московской митрополичьей кафедре, но по пристрастию летописца к внутренней жизни Троице-Сергиева монастыря опознается рука инока именно Сергиевой обители. Анализ стилистической манеры и идейной направленности работы сводчика позволяет более точно определить личность составителя летописного свода 1408 г. — им оказался выдающийся писатель Средневековой Руси Елифангий Премудрый, который, будучи монахом Троице-Сергиева монастыря, выполнял обязанности секретаря митрополита Фотия¹⁴.